

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

СВЕТЛАНА НЕМОЛЯЕВА:

Многое в своей судьбе
я сделала
собственными рукамиКлубный - 1997 -
17 апр. - с. 12

Светлана Немоляева, по крайней мере со стороны, кажется абсолютно благополучным человеком. Работает в престижном и "аншлаговом" Театре имени Вл. Маяковского, где регулярно получает новые роли. Популярная киноактриса. Семейно-творческий дуэт с Александром Лазаревым на удивление прочен. Сын, Александр Лазарев-младший, артист "Ленкома", не уронил планку династической профессии.

Светлана Владимировна, действительно ли все в вашей жизни так удачно складывалось?

— Я не могу Бога гневить и жаловаться на судьбу, хотя полного благополучия, наверное, не бывает. Мне повезло, на мою долю выпало не слишком много отрицательных эмоций. Но я боюсь об этом говорить пространно. Что-то принесет судьба дальше? А с другой стороны, очень хорошо, что некоторые жизненные и творческие перипетии не выплеснулись на страницы газет, не превратились в сплетни. Я считаю, что актерская жизнь должна быть все-таки завуалирована.

И все же говорят, что творчество высекается из страданий, а искусство и покой идут разными дорогами.

— Верно говорят, не зря же существуют "муки творчества". Но я бы не ставила их в зависимость от благополучия дома и семьи, это разного рода вещи. Творческий человек, будь то актер или писатель, с помощью своей фантазии способен пережить любую ситуацию или драму. В жизни ведь человек часто бежит от страданий. А артист, наоборот, обожает пострадать. Его хлебом не корми — дай пустить слезу на сцене. Но это природа актерская, она парадоксальна.

Откуда моя ранимость на сцене? Ну, во-первых, я с детства была очень возбудимой, мне не составляло труда заплакать по любому поводу. А, во-вторых, годится любое жизненное ощущение. Я, например, не могу смотреть фильмы с жестокостью, насилием. Это не для меня. Я страдаю, потом не сплю ночами, меня это преследует.

Вы сказали, что актерская профессия парадоксальна. В чем?

— Да вот в этой раздвоенности на актера и человека. Бывает, что артист в жизни не так умен и значителен, как на сцене. Там он просто фонтанирует, блестящ, остроумен, а сойдет со сцены — и с ним говорить вроде бы и не о чем. И наоборот.

Хотя, конечно, каждый актер пытается максимально приблизить роль к себе, к собственным реакциям. Ну, например, представьте, что надо сыграть сцену пожара. Можно ведь отстраненно сказать: "Ах, какой кошмар!". А если вообразить, что это ваш дом горит? Но это еще не значит, что когда в жизни с артистом случится нечто подобное, то он поведет себя адекватно своему герою. Вот я играла английскую королеву Елизавету и отдавала приказ отрубить голову Марии Стюарт. Я не знаю, что было бы, если б ко мне, Светлане Немоляевой, пришли и сказали: "Сделай секир-башка такой-то". Смогла бы я подписать такую бумагу? А на сцене могу. Конечно, я все это примитивно объясняю, но смысл, наверное, понятен.

Вы помните свой первый выход на сцену?

— Своим настоящим дебютом я считаю роль Офелии в знаменитом спектакле Николая Охлопкова "Гамлет". Там играл Эдуард Марцевич — самый молодой Гамлет, как тогда говорили, и соответственно нужна была молодая Офелия.

Дебют удался?

— Раз меня не сняли с этой роли, то, наверное, удался. Но к самой себе у меня была масса претензий, начиная с внешности. Мне казалось, что Офелия — изыскан-

ная, утонченная и нежная девушка. А я тогда была толстенькой круглолицей простушкой. Начался период страшных страданий по поводу похудения. Потом я выросла, а поскольку эту роль играла целых восемь лет, то пошли претензии к качеству игры. Я чувствовала, что многое делаю не так, хотелось что-то изменить. Но мной особенно никто не занимался, ведь спектакль шел уже много лет, был налажен. Пришлось самой до всего доходить.

Легко ли вам хранить многолетнюю верность Театру имени Маяковского?

— Не знаю, сколько лет я еще смогу играть, но на данный момент я не мыслю себе другого театра. Хотя у нас с Лазаревым были драматические ситуации, когда мы могли отсюда уйти. Но мы этого не сделали, потому что перешивало то хорошее, что мы здесь получили. Рядом с этим все остальное отступало на задний план. Поэтому всегда разум побеждал какие-то движения души. Театр — это ведь не только твой дом и семья, театр — это еще и мясорубка. Сможешь — переживи, не сможешь — уйди. Мы не расстались, не ушли, хотя в мясорубке побывали. Как и любой актер. Иначе нельзя. По-другому в театре не бывает.

Почему?

— Потому что здесь сталкиваются разные правды и интересы, прежде всего актера и режиссера. Режиссер — это ведь отдельный мегаполис, у него свои взгляды, пристрастия. А каждый актер думает: ты должен любить именно меня, для меня жить и вести за собой. И когда режиссер тебя на время выделяет из труппы, приближает к себе и действительно начинает любить и вести за со-

бой, то ты к этому очень быстро привыкаешь. Потом все может измениться, а претензии остаются. Почему пауза? Почему я больше не нужна? Как не стыдно! Это наша позиция, актерская, и она абсолютно правомерна, потому что тебе что-то дано свыше, и оно обязательно должно быть реализовано. А у режиссера — свое. Он сейчас видит другого, ему интересен новый актер, а от прежнего он уже устал. В этом вечная драма артиста. Она была и у меня — сполна.

И какой же выход в данной ситуации? Ждать, когда режиссер вновь к тебе вернется или предпринимать какие-то самостоятельные шаги?

— Конечно, нельзя сидеть сложа руки и ждать у моря погоды. Но самостоятельные шаги тоже часто бывают бессмысленными. Тебе говорят: да-да, пытайтесь, пробуйте, а потом все сходит на нет. Но мне кажется, что все равно любая работа не проходит даром. Нужно биться и стараться не затахить. Со временем, правда, эта душевная борьба немного смирятся. Но смолodu я была очень активной. Могу сказать, что очень многое в своей судьбе я сделала собственными руками. Быть может, работоспособность, быть может, любовь.

Ставили когда-нибудь спектакли на вас?

— Думаю, что нет. Да и вообще это, наверное, редкость. Режиссер должен безумно любить артиста. Как Таиров в Коонен или Эфрос в Яковлевой. У меня этого не было.

Не хотелось ли вам, чтобы Александр Лазарев-младший тоже выходил на эту сцену, а не на ленкомовскую?

— Шура всегда любил наш театр, ведь он в нем вырос, ребенком играл в спектакле "Леди Макбет Мценского уезда", ездил на гастроли, дружил с актерами. Но когда он заканчивал институт и надо было думать о будущем, мы с его отцом прекрасно понимали, что ему сюда приходить не стоит. Хотя убеждена, что Андрей Гончаров взял бы Шуру, он всегда им интересовался. Но ведь профессия артиста очень зависимая. Представьте, пришел он в наш театр, и началось: дали ему новую роль или нет, хорошо сыграл или не очень. Мы бы с отцом с ума сошли. Мало того, что мы друг за друга страдаем: его обидят — это

рикошетом по мне, со мной что-то происходит — он переживает. Мы и так уже повязаны, а тут еще и сын. Поэтому мы категорически не хотели, чтобы он был у нас в театре, потому что понимали, что это всем троим осложнит жизнь. Вот он и устроился совершенно самостоятельно в "Ленком".

Сейчас многие актеры расширяют круг своих занятий: преподают, режиссируют, поют, пишут стихи и картины. Вы не пробовали себя в ином качестве?

— Я настолько погружена в актерскую жизнь, что мне не до остального. Да я и не умею. Когда Шура готовился поступать в театральный институт, он с отцом занимался. И как-то раз я вмешалась в этот процесс, стала что-то советовать, предлагать "репертуар". Он старательно все выучил, начал мне читать, я стала придираться к нему, он — ко мне. В результате дело дошло до скандала, и мы поругались. А он сказал: "Больше с мамой я работать не буду". Видно, нет у меня никакого педагогического дара.

А режиссура — это профессия уникальная, фантастическая, штучная, если, конечно, этот человек одарен по-настоящему и может владеть умами. Мне кажется, что режиссер — избранник судьбы. Я каждый раз поражаюсь, когда он способен что-то выстроить, увлечь, повести за собой. Это для меня загадка, как и писание стихов. Вообще для меня любое творчество адекватно тайне.

Правда, мне с детства часто хотелось рисовать, я делала куклам костюмы. И сейчас иногда думаю, а не купить ли мне красок и кисточек и что-нибудь разрисовать, яичко пасхальное, например. Но это, увы, маниловские мечтания. Хотя я обожаю ходить на выставки.

Остается ли у вас время на что-либо, помимо театра?

— Я природу очень люблю. Люблю приехать на дачу и что-нибудь посадить, но не овощи. Мечтаю развести цветы, правда, все никак не получается, хотя я копаюсь усердно, с какой-то лопаткой. Поля, внучка, за мной ходит, старается помочь. И все смеются, что у меня ничего не может вырасти. А я так стараюсь...

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА